

П.В. Маркина

Алтайский государственный университет

Дискурс страха в жизни и творчестве М.М. Зощенко

Аннотация: В статье рассматривается бытовое поведение М.М. Зощенко в аспекте особого интереса писателя к проблеме страха. По сути, страхи и мании являются ключевыми в жизни и творчестве М.М. Зощенко.

In this article M.M. Zoshchenko's everyday behavior and their special interest to the fear. The writer investigates basic phobias in his main book. In fact, fear and manias are key in the M.M. Zoshchenko's life and creativity.

Ключевые слова: М.М. Зощенко, дискурс страха, бытовое поведение, русская литература 1920–1930-х годов.

M.M. Zoshchenko, Discourse of fear, everyday behavior, Russian literature (1920–1930).

УДК: 811.

Контактная информация: Барнаул, ул. Молодежная, 55. АлтГУ, филологический факультет. Тел. (3852) 629454. E-mail: pvmarkina@mail.ru.

В.П. Руднев вслед за Е. Блейлером отмечает, что чередование мании преследования и мегаломании становится особым знаком проявления психоза. «Советские люди и их вождь постоянно жили в ножницах двух противоположных маний – преследования и величия. С одной стороны, кругом шпионы, враги народа, врачи-убийцы, с другой, советский народ – самый счастливый в мире, советская страна самая большая и богатая, а Сталин – самый мудрый и добрый» [Руднев, 2001, с. 103].

Достаточно ярко полюс нездоровья советской эпохи иллюстрирует драматургия: «Особое место в репертуаре болезней драматических героев пьес, выламывающихся из советского канона, занимают страх как социальная патология и безумие как крайнее следствие страха» [Гудкова, 2008, с. 202]. Симптоматичной выглядит пьеса А.Н. Афиногенова «Страх».

В 1920-х годах, когда клиническая картина эпохи еще была не до конца прорисована, в художественных произведениях начинает оформляться особый интерес к полю болезней. М.М. Зощенко делает дискурс врачевания константой собственной жизни и творчества: «Не в один рассказ непосредственно входит у Зощенко та или иная медицинская тема...» [Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии, 2002, с. 302].

Медицинский сюжет этого писателя уже был обозначен А.К. Жолковским: «Берегите здоровье», «Больные», «Врачевание и психика», «Гипноз», «Доктор медицины», «Домашнее средство», «Зубное дело», «История болезни», «Клинический случай», «Крупница здоровья», «Медик», «Медицинский случай», «Нервные люди», «Нервы», «Несчастный случай», «Операция», «Пациентка», «Психологическая история», «Чудный отдых» и т.д. [Жолковский, 1999, с. 19]. Даже немедицинские сюжеты М.М. Зощенко сопровождают «нервные» или «заболевшие» люди, фельдшеры, знахари, врачи, медицинские метафоры и рефрены.

Столь пристальное внимание писателя к дискурсу болезни непосредственно связано с маниями, которые сопутствовали М.М. Зощенко всю жизнь: «Вообще, он был очень мнительный человек. Часто говорил о своих болезнях, подозревал у себя то одно, то другое» [Воспоминания о Михаиле Зощенко, 1995, с. 561–562]. О сильных, почти болезненных влечениях, пристрастиях и страхах М.М. Зощенко оставляют свидетельства многие современники. Сестра художника слова В.М. Зощенко рассказывала «о забавных, по ее мнению, чертах характера писателя – мнительности, боязни чем-нибудь заразиться и вдруг умереть...» [Зощенко, 1994, с. 7].

Маниакальная фантазия о внезапной смерти звучит и в личных письмах писателя к возлюбленной: «Я рылся в камнях на море и, представляешь себе, наколот руку о мертвую рыбу. Накануне был шторм и эту околевшую рыбешку выкинуло на берег. Это был дохлый морской ерш. Об его колючки я пребольно уколол палец. Сначала не особенно обратил на это внимание. Но через час палец до того разболелся, что я думал – заражение. Перетрусил ужасно. Поскорее высосал ранку... <...> ...меня еще больше напугали – сказали, что ерш перед тем как околеть, выбрасывает яд» [Там же, с. 12].

Страх смерти, перерастая допустимые обыденным сознанием границы, неотступно преследует писателя. Двойная попытка самоубийства в молодости может быть понята не только как признанная в «Перед восходом солнца» усталость от жизни, но и как подсознательное желание справиться со своим страхом. Против воли внедрившаяся в сознание мысль заставляет искать аналогии в истории и литературе: «Гоголь умер от страха смерти. Впервые я услышал об этом от Зощенко» [Воспоминания о Михаиле Зощенко, 1995, с. 506].

Литературность будет сопровождать и реальную кончину писателя, М.М. Зощенко перед смертью путал слова, и вместо «люменала» просил «линолеум» [Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии, 2002, с. 90]. Толстовские и гоголевские мотивы будто вытесняют писателя из его собственной смерти. Не случайно автор в «Перед восходом солнца» о болезни Н.В. Гоголя сделает более обстоятельное исследование.

В подавляющем количестве свидетельств последних дней М.М. Зощенко звучит еще одна боязнь писателя: «Дело в том, что в эти последние месяцы своей жизни Зощенко почти ничего не ел. Худоба его принимала зловещий характер. На какие только ухищрения мы только не шли, чтобы пробудить в нем хоть какой-то гастрономический интерес. Пил чай. Курил папиросу за папиросой» [Михаил Зощенко в воспоминаниях современников, 1981, с. 255]; «После Нового года окончательно “ушел в болезнь”, стал ходить, согнувшись в три погибели, “под прямым углом”, охать и стонать целыми днями и еще больше капризничать с едой» [Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии, 2002, с. 85].

Отказ от еды наглядно демонстрирует одержимость писателя пагубными мыслями. Зная о собственном недуге, М.М. Зощенко рассказывал о том, «что врачи поставили диагноз – у него психостения, «болезнь навязчивой идеи» [Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии, 1997, с. 71]. Страхи и мании преследовали писателя всю его сознательную жизнь, часто становясь объектом авторской рефлексии. Автор «Перед восходом солнца», осмысливая причины собственной страшной хандры, пытался систематизировать и объяснить их законами, открытыми И.П. Павловым. Анализируя в том числе и опыт собственной жизни, писатель приходит к выводу, что «[и] в норме, и в патологии законы условных рефлексов были непогрешимы» [Зощенко, 2008, с. 300]. Так сопряженные с неудачей, утвержденные нервные связи позволяют выделить группу страхов М.М. Зощенко, определивших не только жизнь, но и специфику творчества писателя.

М.М. Зощенко боялся воды, об этом есть свидетельства как в мемуарной литературе [Михаил Зощенко в воспоминаниях современников, 1981, с. 216], так

и в художественных произведениях писателя. В книге «Перед восходом солнца» он подробно исследует этот страх и пытается найти его причины, чтобы выяснить, как с ним бороться. В своей главной книге писатель назовет два главных роковых раздражителя – «вода и рука» [Зощенко, 2008, с. 245]. Прочная условная связь между ними определит группу основных мотивов в творчестве писателя.

Инфантилизация помогает взрослому избежать контакта с опасными предметами и устрашающими воздействиями, то есть, чтобы избавиться от страха, взрослый ведет себя как ребенок [Воспоминания о Михаиле Зощенко, 1995, с. 507]. Автор «Перед восходом солнца», выбирая собственную жизнь до тридцати лет в качестве материала для исследования, углубляется все дальше в детство, чтобы понять и победить страх.

М.М. Зощенко чувствовал, что такой ход не всеми будет понят правильно. Жена обиделась, что в своей главной книге писатель сказал о ней в двух строках. В то время как «...“Перед восходом солнца” – не автобиографическая книга в привычном ее прочтении. Рассказывая о себе, Зощенко целенаправленно ограничивал свои воспоминания только теми моментами и эпизодами, которые, во-едино собравшись, должны были проследить и с т о р и ю е г о б о л е з н и , раскрыть причину изматывающего поведения его психики» [Томашевский, 1994, с. 27, здесь и далее в цитатах разрядка автора – П.М.].

Однако нельзя отрицать, что выбранный материал при всей объективной необходимости открывает еще и проблему нарциссизма, особенно яркую в молодости («Я сентиментален не часто: когда говорю о женщинах и когда в зеркало смотрю...») [Лицо и маска Михаила Зощенко, 1994, с. 30]) и не до конца изжитую в зрелом творчестве писателя [Куляпин, 2002, с. 7–22]: «Мы часто говорили с ним о нем и о его творчестве – это его любимая тема. Очевидно, она ему особенно дорога» [Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии, 1997, с. 74].

Самолюбование в творчестве становится продолжением особенностей бытового поведения, подмеченных В.П. Катаевым: «В гостях он был изысканно вежлив и несколько кокетлив: за стол садился так, чтобы видеть себя в зеркале, и время от времени посматривал на свое отражение, делая различные выражения лица, которое ему, по-видимому, очень нравилось» [Катаев, 1984, с. 201].

Самоувлеченность рождала другую аномалию: желание избавиться от себя в своем творчестве. «Сегодня, когда пишут о Зощенко, трагедию его судьбы обычно видят лишь в том, что его редчайший сатирический дар не пришелся под стать бездарной литературе “сталинского разлива”, что новое самодержавие не мыслило себя под сатирической стражей, – отсюда якобы все невзгоды <...> К трагическому финалу привело Зощенко не только жестокое давление сверху, но и год от года все усиливающееся давление и з н у т р и , сознательно и убежденно оказываемое Зощенко на самого себя. Трудно поверить, но то, что любили и славили в нем миллионные массы читателей, что ценили восхищенные его словотворческим мастерством знатоки литературного дела, – сам он в себе чем дальше, тем откровеннее... не любил» [Томашевский, 1994, с. 23]. Ю.В. Томашевский приводит рядовую историю о том, как М.М. Зощенко на читателе, постороннем слушателе, актере проверял, удалось ли избавиться от смешных фраз в собственном тексте весной 1949 г. Писатель сознательно вычеркивал все смешные места, прибегая неоднократно к помощи посторонних людей.

Такое поведение нельзя объяснить лишь кампанией 1946 г. М.М. Зощенко даже в самые тяжелые времена никогда не изменял себе. В желании изгнать смех из собственного творчества можно видеть привычный для писателя метод противоборства. Понимая собственный страх, как порочный условный рефлекс, М.М. Зощенко начинает действовать «от противного», пытаясь разорвать установившиеся связи между явлением и собственной реакцией.

Так, например, современники вспоминают о том, что М.М. Зощенко «не любит людей», особенно в молодости шумные компании ему были в тягость. Объек-

тивно изобразить писателя было делом не легким, однако достаточно частотны свидетельства того, что М.М. Зощенко выпадал из общего веселья. Он мог четыре часа молчать на вечере смеха в честь Ильфа и Петрова, не обращая внимания на то, что превращает его в вечер грусти [Михаил Зощенко в воспоминаниях современников, 1991, с. 55–57]. К.И. Чуковский оставил такой портрет начинающего писателя: «молчаливый и замкнутый молодой человек... Нелюдимый, хмурый, как будто надменный, садился он в самом дальнем углу, сзади всех, и с застылым, почти равнодушным лицом вслушивался в громокипящие споры, которые велись у камина. Споры были неистовы. Все литературные течения того переломного времени врывались сюда, в дом Мурузи, но в первое время было невозможно сказать, какому из этих течений сочувствует Зощенко. Он прислушивался к спорам безучастно, не примыкая ни к той, ни к другой стороне... он, повторяю, словно приневоливал себя к дружескому сближению с людьми, преодолевая в себе какие-то застарелые навыки, мешающие ему жить нараспашку» [Там же, с. 17–23].

То же непримиримое отношение к окружающим фиксируется и 5 августа 1927 года. Наблюдая улучшение после тяжелой депрессии М.М. Зощенко, друг и учитель отмечает «ненормальное» поведение гостя: «Но из дальнейшего выясняется, что люди ему по-прежнему противны, что весь окружающий быт вызывает в нем по-прежнему гадливость, что он ограничил весь круг своих близких тремя людьми...» [Там же, с. 405]. Признавая субъективность подобных свидетельств (особенность отношений, влияний К.И. Чуковского и М.М. Зощенко выявил А.И. Куляпин [Куляпин, 2002, с. 40–52]), необходимо отметить эту единую векторную линию воспоминаний, позволяющую понять М.М. Зощенко как интроверта, и страстное стремление писателя быть с людьми во время сборищ и всеобщего веселья.

Справедливости ради надо отметить, что любое яркое проявление эмоций было неприятно М.М. Зощенко. За эту особенность обижаются на него будущая жена: «Передо мной – груда старых писем. И я плакала – от тоски по прошлому, от своего одиночества... Пришел Михаил... Увидел мои слезы – “У Вас, кажется, плохое настроение” – повернулся на каблучках и ушел... Вместо того, чтобы спросить, в чем дело, пожалеть, утешить, приласкать <...> Михаилу невыносима была печаль, невыносимы были слезы...» [Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии, 1997, с. 62]. Однако именно всеобщая радость общения вызывает в писателе желание преодолеть себя.

Такое отношение к миру нашло свое отражение в и раннем творчестве писателя. Понимая специфический стиль М.М. Зощенко 1920-х гг., как моделирование нового языка, нельзя не отметить в этом почти маниакальном фиксировании изменений подсознательное отторжение: «На каждой странице писатель готов отмечать вывихи его синтаксиса, опухоли его словаря, демонстрируя с веселым злорадством полную неспособность ненавистного ему слоя людей пользоваться разумной человеческой речью» [Михаил Зощенко в воспоминаниях современников, 1981, с. 34]. Хотя, конечно, осознанной ненависти, приписываемой К.И. Чуковским, в писателе не было.

Специалист по депрессии, отчаянию и меланхолии, «Зощенко создал собственный психоаналитический метод, который назывался “самоизлечением”», чтобы избавиться от тоски и депрессии самостоятельно нужно понять, чего боишься [Воспоминания о Михаиле Зощенко, 1995, с. 505–506]. В этом и заключается особенность М.М. Зощенко. Появление первых признаков болезни рождало в писателе желание бороться: «В те часы, когда его тянуло в уединение, он заставлял себя идти к веселящимся людям и с ними разделять их веселье. Когда ему хотелось тишины, он выбирал себе такое жилье, за стеною которого бесцеремонный сосед ежедневно целыми часами учился играть на трубе (Он сам говорил мне об этом в 1933 году)» [Михаил Зощенко в воспоминаниях современников, 1981, с. 58].

Теория преодоления недуга найдет свое отражение в книге «Перед восходом солнца», автор которой «убежден в том, что человек не должен менять давно сложившийся образ жизни. Резкое изменение образа жизни вышибает человека из седла. Он говорил, что и ранее замечал, что люди пьющие и сразу бросающие пить более двух лет не живут. Так же и курильщики, так же и люди, много и жадно работавшие, работавшие со страстью, вдруг выходя на пенсию или почему-либо другому лишившись своей работы, скоро скисают, и смерть приходит быстрее» [Вспоминая Михаила Зощенко, 1990, с. 281].

Такое понимание человека сложилось у М.М. Зощенко уже в зрелом возрасте, еще в ранних письмах писатель оставит следующее свидетельство: «Вообще, несомненно, я несколько психически ненормален. Мне надо ездить, мотаться, менять впечатления – только тогда мне легче» [Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии, 1997, с. 71]. Однако смена мест не дает желаемого результата. Годы утверждают неизбывность хандры в любом пространстве.

М.М. Зощенко начинает присматриваться к окружающим: «Его особенно интересовали люди ничтожные, незаметные, с душевным надломом...» [Михаил Зощенко в воспоминаниях современников, 1981, с. 109]. А.И. Куляпин отмечает, что М.М. Зощенко притягивали люди, отмеченные какой-либо психологической аномалией, например, К.И. Чуковский с его бессонницей. Об этом же свидетельствует книга «Письма писателю».

Однако опыт чужих ошибок и собственная неудовлетворенность толкают М.М. Зощенко на дальнейший поиск исцеления. Писательство можно понимать как отклонение от нормы. Попыткой преодолеть собственные противоречия становится творчество.

Подобный выбор профессии наметит векторы раздвоения в жизни писателя. С одной стороны, надо бороться с болезнью в творчестве, и тогда писательская созидательная деятельность понимается как избавление, очищение, исцеление. К.И. Чуковский так передает слова М.М. Зощенко: «Моя мать, – рассказывал он, – не раз упрекала меня, что у меня будто бы *закрытое* сердце. Но имеет ли право писатель писать, если у него закрытое сердце? Поэтому раньше всего принял особые меры, чтобы сердце у меня распахнулось. Я загрузил себя общественной работой. Я стал писать добрые рассказы и повести о добрых людях и добрых делах... я каждое, каждое утро просыпаюсь теперь счастливым. Каждый день для меня праздник, день рождения. Никогда я не испытывал таких приливов безграничного счастья» [Михаил Зощенко в воспоминаниях современников, 1981, с. 62].

С другой стороны, само по себе творчество и есть болезнь, иссасывающая и изматывающая писателя. Факт писания свидетельствует о душевной разбалансировке, о нестабильности психического состояния. Показательно в этом плане воспоминание о том, как был написан рассказ «Аристократка». М.М. Зощенко, уходя от гостей, вернулся с полдороги: «На лестнице схватило и пришлось вернуться. Все-таки, знаешь, – прибавил он вдруг, – это вроде болезни. Вообще от хорошей жизни писателем не становятся. Надо что-то претерпеть или вообще быть больным» [Слонимский, 1966, с. 151].

М.М. Зощенко знал про свою болезнь и пытался справиться с ней. Уже ранняя исследовательская статья про Б. Зайцева – попытка перебороть начинающую складываться нервную болезнь [Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии, 1997, с. 48]. В переписке М.М. Зощенко с Е.И. Журбиной «[т]емы болезни и творчества – способа преодоления недуга – выступают как доминантные» [Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии, 2002, с. 130]. И эта со временем осознанная писателем потребность в художественном слове изначально была в М.М. Зощенко. Из разговора с будущей женой в декабре 1918 года перед отъездом на фронт: «Он стоял прислонившись к топящейся печке... И тогда я спросила его – что для него самое живое в жизни? – и так мне хотелось услы-

шать в ответ – “Конечно Вы...” – но он сказал – “Конечно, моя литература...” [Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии, 1997, с. 60].

Нарушая предписанную формулу поведения возлюбленного, М.М. Зощенко честен. Оставляя за рамками работы рассмотрение вопроса о стратегиях бытового поведения и системе авторских масок писателя, нельзя не отметить, что стержневой в образе М.М. Зощенко была дворянскую модель: «Человек, кот<орый> никогда не скажет такого слова, от кот<орого> может покоробить... Удивительное у него чувство меры!.. Да и вообще-то порода в нем чувствуется, барство, размах широкий, глубина...» [Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии, 1997, с. 69]; «...был кавалером в старинном, рыцарском значении этого слова – впрочем, и в современном: получил за храбрость четыре ордена и был представлен к пятому в годы первой мировой войны» [Михаил Зощенко в воспоминаниях современников, 1981, с. 107].

Человек чести с достоинством проходил все жизненные испытания. Такая манера поведения складывалась при осознании собственного дворянского происхождения, которое довольно подробно представлено в материалах к творческой биографии писателя [Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии, 1997, с. 6, 8, 9, 10 и т.д.]. Образы прорастали из глубины натуры и проникали в художественное творчество, некоторые очевидно были смоделированы по методу «от противного» (Мих. Гаврилов, М. Кудрейкин и др. [Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии, 1997, с. 29]).

Маски М.М. Зощенко это, с одной стороны, «уход от себя», личное исправление, совершенствование, игра, а с другой, – способ понять себя, собственные мании и страхи. В этой связи актуализируется особое отношение писателя к предшествующей литературе и классикам, в фигурах которых уже очень сложно разделить жизнь и литературу. Ставшие культурными героями образцы мании и отпугивали одновременно. Несостоятельность их современной писателю эпохе очевидна для М.М. Зощенко. Однако завораживала сама игра в совпадения.

М.М. Зощенко идет путем моделирования жизни через литературу. В своем творчестве он даже пытается осмыслить происхождение собственной фамилии от профессии художника: зодчий = Зощенко. Публичные заявления писателя всегда следует воспринимать с особой осторожностью, как нечто, укладывающееся в стройную теорию жизни. «Лицо Зощенко постоянно скрыто маской. И даже самые откровенные его признания зачастую оказываются искусной (хотя и не всегда преднамеренной) мистификацией» [Куляпин, 2002, с. 7].

Примером такого художественно-документального построения становятся биографические мутации: М.М. Зощенко меняет место рождения, а дату сдвигает на год. Изменение времени понимается в качестве возможности прорепетировать роковой рубеж жизни: «Манипулирование как собственной датой рождения, так и обозначением возраста близких становится одним из средств психологической защиты» [Куляпин, 2002, с. 10]. Трансформация пространства позволяет классику советской литературы выстраивать особый диалог с Н.В. Гоголем.

В работе В.С. Федорова обосновывается главный тезис: литература для М.М. Зощенко – это попытка обрести бессмертие [Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии, 1997, с. 226–239]. Автор «Возвращенной молодости», конечно, решает проблемы актуальные для своего времени. Однако он находит путь, который оставляет имя М.М. Зощенко потомкам.

Писательство определено главной борьбой – борьбой с самим собой. Здесь победы быть не может, так как если выиграет писатель, то проиграет человек, и наоборот. Творчество становится одновременно не только знаком избранничества, но и мученическими веригами.

Всю жизнь писателя преследовал его двойник. Проклятием М.М. Зощенко была его острая популярность, приводившая к мифологизации фигуры писателя, который так до конца и не был понят. Каждый его воспринимал по-своему, но

только не так, как нужно было: в серьезном видели смешное, а в смешном – серьезное. Происходит раздвоение, и помимо реального М.М. Зощенко появляется новый – скалящий зубы и очаровывающий дам балагур ранних рассказов, таящий угрозу советской власти автор «Приключений обезьяны». Неудивительно, что писатель пытался скрыться от известности за фамилией Бондаревич.

К.И. Чуковский рассказывает историю о том, что М.М. Зощенко разочаровал поклонницу, сказав ей, что она ошиблась, что он совсем не писатель, а некто лишь на него похожий: «...популярность не тешила Михаила Михайловича. Он не поддавался ее душевным соблазнам и по-прежнему предпочитал оставаться в тени. Как-то, когда мы сидели с ним на скамейке в Сестрорецком курорте “на музыке”, подошла к нему какая-то застенчивая милая женщина и стала выражать ему свои нежные читательские чувства. Зощенко не дослушал ее и сказал “по методу Гоголя и Репина”:

– Вы не первая совершаете эту ошибку. Должно быть, я действительно похож на писателя Зощенко. Но я не Зощенко, я – Бондаревич.

И, повернувшись ко мне, продолжал начатый разговор... О таких же ситуациях рассказывал мне впоследствии его верный оруженосец и друг Валя Стенич... По словам Стенича, Зощенко где-то в Крыму, на курорте, прожил целый месяц инкогнито под прикрытием фамилии “Бондаревич”, спасаясь от докучливых поклонников обоего пола... Зато в этом же сезоне было обнаружено пять или шесть самозванцев, которые на разных курортах выдавали себя за Зощенко и получали от этого изрядные выгоды. Один из “Зощенок” на волжском пароходе покорила сердце какой-то провинциальной певицы, которая через несколько месяцев предъявила свои претензии Михаилу Михайловичу и долго преследовала его грозными письмами. Лишь после того, как Зощенко послал ей свою фотокарточку, она убедилась, что герой ее волжского романа – не он» [Михаил Зощенко в воспоминаниях современников, 1981, с. 47–48].

Подобные свидетельства не подтверждают тезис о том, что Зощенко гнушался славой. В первом случае фамилия Бондаревич возникает как щит от назойливых поклонников и как знак своего внимания и уважения к собеседнику К.И. Чуковскому. Во втором – маска оправдана целью (отдых) поездки на курорт.

Проживая литературу, М.М. Зощенко был готов к разным сложностям, понимая, что работа по разрыву условных нервных порочных связей непростая. Однако двойник писателя, спровоцировал читательский вопрос к реальному человеку о том, кто он: «Пушкин умер, Гоголь умер, а почему же Зощенко жив? Разве бывают живые писатели?» [Воспоминания о Михаиле Зощенко, 1995, с. 345]. Одна глупая наивность поставила под сомнение прекрасную философию самоисцеления.

Книга «Перед восходом солнца» утверждает мысль о торжестве разума, о победе человека над страхом и болью. Однако в письме к жене от 27 октября 1942 г. из Алма-Аты М.М. Зощенко проговорится: «Так и не удалось мне полностью починить свои нервы!» [Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии, 1997, с. 86]. В финале жизнь и литература разошлись. Литературный триумф предопределил фиаско Зощенко-человека.

Литература

- Воспоминания о Михаиле Зощенко / Сост. Ю.В. Томашевского. СПб., 1995.
Вспоминая Михаила Зощенко / Сост. и подгот. текста Ю.В. Томашевского. СПб., 1990.
Гудкова В.В. Рождение советских сюжетов: типология отечественной драмы 1920-х – начала 1930-х годов. М., 2008.
Жолковский А.К. Михаил Зощенко: поэтика недоверия. М., 1999.

- Зощенко М.М. «Жизнь выше всего...»: Письма Михаила Зощенко к Ольге Шепелевой 1938–1939 гг. / Публ., вступ. ст. и примеч. В.А. Петрицкого // Звезда. 1994. № 8. С. 7–22.
- Зощенко М.М. Перед восходом солнца // Собрание сочинений / Состав. и примеч. И.Н. Сухих. М., 2008.
- Катаев В.П. Алмазный мой венец // Катаев В.П. Собр. соч. В 10 т. М., 1984. Т. 7. С. 7–226.
- Куляпин А.И. Творчество Михаила Зощенко: истоки, традиции, контекст. Барнаул, 2002.
- Лицо и маска Михаила Зощенко / Сост. Ю.В. Томашевский. М., 1994.
- Михаил Зощенко в воспоминаниях современников / Сост. А.С. Смолян, Н.Н. Юргенева. М., 1981.
- Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. СПб., 1997. Кн. 1. / Отв. ред. Н. А. Грознова.
- Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. СПб., 2002. Кн. 3.
- Руднев В.П. Метафизика футбола: исследования по философии текста и па-тографии. М., 2001.
- Слонимский М.Л. Книга воспоминаний. Л., 1966.
- Томашевский Ю. «Записки бывшего офицера» (Ненаписанная книга М. Зощенко) // Звезда. 1994. № 8. С. 23–32.
- Чуковский К.И. Дневник (1901–1929). М., 1991.